evaluating in higher education: A guidebook for planning learning outcomes (pp. vii-xiv). New Jersey: Educational Technology Publications.

Otwinowska, A. (2017). English teachers' language awareness: Away with the monolingual bias? *Language Awareness*, *26* (4), 304-324. Doi: https://doi.org/10.1080/09658416.2017.1409752

Rahman, N. A., & Masuwai, A. (2014). Transforming the standard lecture into an interactive lecture: The CDEARA model. *International Journal for Innovation Education and Research, 2* (10), 158-168. Doi: https://doi.org/10.31686/ijier.vol2.iss10.256

Teacher competences for languages in education: Conclusions of the project. (2019). Strasbourg: Council of Europe, European Centre for Modern Languages.

Tuma, F. (2021). The use of educational technology for interactive teaching in lectures. *Annals of Medicine and Surgery*, *62*, 231-235. Doi: https://doi.org/10.1016/j.amsu.2021.01.051

Vygotsky, L. S. (1987). *The Collected Works. Volume 1: Problems of General Psychology*. New York: Plenum Press.

Young, A. S. (2018). Language awareness, language diversity and migrant languages in the primary school. In P. Garrett & J. M. Cots (Eds.), *The Routledge handbook of language awareness* (pp. 23-39). London & New York: Routledge.

УДК 811.11
https://doi.org/10.25076/vpl.44.06
А.В. Радюк
Л.С. Колесникова
Российский университет дружбы народов

РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ Д. ТРАМПА И Б. ДЖОНСОНА: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Статья исследует прагмалингвистические особенности формирования образа политика в публичном политическом дискурсе. Политический дискурс рассматривается как процесс осуществления властных полномочий речевыми средствами. Риторическая эффективность речи политика имеет

непосредственное влияние на процессы овладения властью, сохранение, осуществление, распределение власти, сложение полномочий. Авторы рассматривают коммуникативную стратегию как общий теоретический план по реализации подобных практических целей. Отмечены такие свойства коммуникативной стратегии как целенаправленность, гибкость, контекстуальность, интенциональный характер.

В статье через призму компонентов языковой личности описаны речевые портреты британского и американского лидеров, обозначены характерные особенности их речи, сопоставлены из точки зрения на климатическую повестку дня, освещена динамика их позиций и их вербализация за период 2011 - 2021 гг. В работе применяется метод функционально-синергетического анализа, рассматривающий дискурс как системное образование смысловых компонентов, взаимодействующих посредством прагма-семантически отношений и направленных к коммуникативной цели.

Авторы приходят к выводу о том, что климатическая риторика в выбранный период у обоих лидеров обозначена четко, имеет существенное значение для конструирования образа политика как сторонника защиты окружающей среды и имеет непосредственное влияние на его деловую репутацию. Отмечена динамика взглядов на данный вопрос в выступлениях американского президента. На материале его устных и письменных высказываний отслеживается трансформация прагма-семантической системы смыслов и переход ее от скептицизма к опровержению и поддержке.

Полученные результаты демонстрируют серьезную роль стратегического речевого планирования речи политика и могут быть полезны для обогащения коммуникативного репертуара публичного человека.

Ключевые слова: политический дискурс, функциональный анализ, речевой портрет, языковая личность, коммуникативная стратегия, создание имиджа

UDC 811.11
https://doi.org/10.25076/vpl.44.06
A.V. Radyuk
L.S. Kolesnikova
RUDN University

SPEECH PORTRAITS OF D. TRUMP AND B. JOHNSON: COMMUNICATIVE STRATEGIES OF POLITICAL LEADERS

The article examines the pragmalinguistic features of the image of a politician in public political discourse. Political discourse is viewed as a process of exercising power by speech means. The rhetorical effectiveness of a politician's speech has a direct impact on the processes of mastering power, preserving, exercising, distributing it and resigning. The authors consider the communication strategy as a general theoretical plan for the implementation of such practical goals. Such properties of the communicative strategy as purposefulness, flexibility, contextuality, intentional character are noted.

Through the prism of the components of the linguistic personality, the article describes the speech portraits of British and American leaders, identifies the features of their speech, compares their points of view on the climate agenda, highlights the dynamics of their positions and their verbalization for the period of 2011-2021. The work uses the method of functional-synergetic analysis, which considers discourse as a systemic unity of semantic components interacting through pragma-semantic relations and directed towards a communicative goal.

The authors come to the conclusion that the climate rhetoric in the chosen period is clearly defined by both leaders, is essential for constructing the image of a politician as a supporter of environmental protection, and has a direct impact on his business reputation. The dynamics of views on this issue in the speeches of the American president is noted. Based on the material of his oral and written statements, the transformation of pragma-semantic system of meanings and its transition from skepticism to refutation and support are traced.

The results obtained demonstrate the serious role of strategic speech planning of a politician's speech and can be useful for enriching the communicative repertoire of a public person.

Keywords: political discourse, functional analysis, speech portrait, linguistic personality, communication strategy, image creation

Введение

На сегодняшний день политический дискурс является одной из наиболее динамичных и противоречивых сфер институциональной коммуникации (Kozlovskaya, Rastyagaev & Slozhenikina, 2020). Он отображает процессы, связанные с деятельностью политических лидеров, взаимодействие власти и общества работой политический партий и организаций. Конструктивное общение, нацеленное на взаимовыгодное взаимодействие как отдельных лиц, так и политических институтов и государств лежит в основе дальнейшего процветания общества и сохранения мира. Исследование роли определенных тем, методов подачи информации в формировании образа политика является актуальным еще и потому, что позволяет ему заполучить поддержку аудитории и тем самым выполнить практические задачи, связанные с осуществлением власти. Как пишет Е.В. Переверзев (2008), современная политическая лингвистика рассматривает факт существования власти как перформативный акт, власть осуществляется в дискурсе и без “озвучивания” “проговаривания” не существует. В таком ключе политический дискурс обозначает сам факт политической жизни, это форма существования политики, осуществления политической воли.

Предметом исследования в данной статье являются отрывки из выступлений политических лидеров США и Великобритании на тему климатических изменений. Изменение климата и его экономические последствия находятся на повестке дня не первый год, однако, последнее десятилетие отмечено особо интенсивными действиями на пути к ограничению выбросов парниковых газов, поиском мер для трансформации производства и внедрению новых экологичных технологий. Объектом исследования служит проблема формирования речевого портрета вербальными средствами с учетом интенциональности коммуникации в политической среде.

В связи с этим цель статьи состоит в том, в чтобы выяснить, как коммуникативная стратегия создания имиджа реализуется в речи политических лидеров. В работе решаются следующие задачи:

- анализируются ключевые теоретические понятия коммуникативной стратегии и тактики, речевого портрета, языковой личности;
- определяются отличительные черты и коммуникативный репертуар политиков по отдельности;
- проводится сопоставительный анализ речевых портретов американского и британского лидеров;
- проясняется роль климатической риторики и ее динамики в формировании образа политика в целом и ее влияние на деловую репутацию.

Коммуникативная стратегия и тактика в прагмалингвистических исследованиях

Современная наука предлагает различные подходы к определению понятия «коммуникативная стратегия», которые по своей сути являются взаимодополняющими. Понятие «стратегия» долгое время существовало исключительно в сферах с комплексной и ориентированной на достижение цели деятельностью – в военном деле, политике, юридической науке, педагогике (Малюга, 2009) и только относительно недавно вошло в лингвистику.

Коммуникативная стратегия трактуется разнообразно в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Например, Е.В. Клюев дает определение коммуникативной стратегии как «совокупности теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» (Клюев, 1998), а М.Л. Макаров как «цепочка решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств: реалий набора целей в структуре общения» (Макаров, 2003). Е.Г. Борисова трактует коммуникативную стратегию как «способ организации речевого поведения в соответствии с интенцией коммуниканта» (Борисова, 2006).

Т.А. ван Дейк полагает, что стратегия – это организация последовательности действий, которая включает в себя цели взаимодействия. Однако не стоит путать стратегию и план, что подразумевает под собой когнитивную макроструктуру мотивов и целей, способов достижения которой может быть множество, а стратегия подразумевает под собой именно процесс достижения цели (Дейк, 1989).

О.С. Иссерс рассматривает коммуникативные стратегии как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» (Иссерс, 2008, с.54). Так же в своем исследовании «Коммуникативные тактики и стратегии русской речи» О.С. Иссерс так же приводит классификацию коммуникативных стратегий, среди которых она выделяет общие и частные (Там же, с. 109). Под общими коммуникативными стратегиями подразумеваются стратегии, с помощью которых можно воздействовать на адресанта, а под частными – стратегии, которые представляют разговор с конкретными целями, где под конечной целью понимается, по мнению автора, «коррекции модели мира реципиента». Так же О.С. Иссерс полагает возможным разделение коммуникативных стратегий по следующим параметрам:

1. Наличие или отсутствие ориентированности на кооперацию: кооперативные и конфронтационные;
2. Степень значимости намерения: общие и частные;
3. Характер функционирования в момент коммуникации: основные и вспомогательные (прагматические, диалоговые, риторические) (Маслова, 2010).

Конкретизируя определение термина коммуникативная стратегия, можно прийти к следующему: коммуникативная стратегия – это тип поведения одного из участников диалогического общения, обусловленный и соотнесенный с планом достижения глобальной и локальной коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа (Романов, 1984).

Особо стоит выделить, что средством достижения каких-либо коммуникативных целей является коммуникативная тактика, которая по сути является составляющей единицей стратегии, более мелкой единицей по сравнению с ней и соотносятся друг с другом как вид и род (Верещагин, Ратмайр, Ройтер, 1992). Коммуникативные тактики классифицируют модальные оттенки разговора и составляют часть диалога. В своих исследованиях О.С. Иссерс так же предлагает схему описания тактик (Иссерс, 2008):

Информация о прогнозируемом коммуникативном событии может быть трёх видов:

1. Знание о типе речевого акта,

2. Собственные пресуппозиции или пресуппозиции партнёра,

3. Собственные представления и гипотетические представления партнера о прогнозируемой ситуации общения.

Варианты ответа могут быть следующие: информации достаточно либо недостаточно и у участников совпадают либо не совпадают когнитивные пресуппозиции и представления о ситуации – если ответ на эти вопросы отрицательный, необходимо внести дополнительные коммуникативные ходы (прямой/косвенный запрос информации, извинение, уступка, разные способы коррекции модели мира).

4. Позиции, представленные в возможном диалоге (позиции могут быть симметричными и не симметричными (в свою очередь делятся на слабые и сильные). В случае если тактику описывают как слабую, то актору коммуникации приходится использовать прием «игры на собственное повышение или игры на понижение оппонента». Сильная тактика – это способность оппонента выражать сопротивление (в таком случае коммуникатор заведомо использует тактику «с запасом прочности» или «с эффектом превышения коммуникативных усилий»).

4. Установки коммуникатора и реципиента (в зависимости от типа общения). Если установки совпадают, дополнительные тактики отсутствуют, если нет – применяется тактика эмоционального настроя или «самопрезентация».

5. Условия для успешности выбранной коммуникативной тактики. Социальные и культурны рамки определяют успех того или иного высказывания, потому что исходя из этих параметров можно судить об уместности высказывания. Но уместность как категория является не фактором достижения цели, а признанием оппонентом права говорящего на использование данного выражения в данном контексте.

6. Перлокутивные эффекты, указывающие на качество выбора речевой тактики (успех/неудача). Использование той или иной речевой тактики может быть в некотором роде предсказуемо с точки зрения успеха или неудачи её применения.

7. Коммуникативные ходы для осуществления намерения. В сознании говорящего существует так называемый фрейм, который обусловливает понимание человеком чего-либо и его действия в

рамках этого понимания, целостность, которая обуславливает осмысления человека себя в мире. Исходя из предположения о наличии у коммуникатора фрейма, можно предположить, что есть несколько моделей поведения коммуникатора в конкретной ситуации (парадигма коммуникативных ходов, что и является речевой тактикой).

8. Языковые ресурсы для реализации замысла. Поверхностные структуры текста прямо или косвенно могут подавать сигналы о значении дискурса. Если это происходит косвенно, то информация о языковых маркерах поможет понять замысел и тактические задачи коммуникатора.

Вопрос о том, какую выбрать стратегию или тактику решается исходя из контекста ситуации или мнения говорящего относительно вопроса или ситуации (Формановская, 2002, с.72).

Необходимо отметить, что в политическом дискурсе речь идет об интенциональном характере речевого планирования, коммуникативные стратегии применяются осознанно политиком непосредственно в момент выступления или в рамках образа, создаваемого профессиональными политтехнологами.

Особенности политического дискурса

Политика – одна из самых иррациональных частей человеческого существования. Связь между политикой и языком неоспорима, например, коммуникативный аспект – это важнейший фактор существования и деятельности политического режима, государства и его институтов. Особенно в эпоху, когда к трем основным ветвям власти (законодательная, исполнительная, судебная) добавилась специфическая четвертая – средства массовой информации (СМИ), а управление информационными потоками стало неотъемлемой частью и важной составляющей завоевания и удержания власти. Политический дискурс – это особый язык политики, который представляет этот мир (Кузьмина, 2011, с. 54-56.). Содержание политического дискурса в настоящий момент можно описать как структуру и единство речевых актов, имеющих отношение и непосредственно функционирующие в политическом пространстве (Равочкин, 2018, с. 244-250), а широкое понимание содержания политического дискруса дает основание считать целесообразным отнесение к нему устных и письменных текстов (или их фрагментов) авторства журналистов,

профессиональных политологов и неспециалистов в этой области (Евтушина, Ковальская, 2014, с. 42-46). Так же немаловажна связь этих текстов/фрагментов с ситуативным контекстом, историческим, социокультурным, экономическим, идеологическим, психологическим и правовым факторами.

Являясь собой, по сути, искусством (искусством управлением государством), политика предъявляет своего рода требование для политических лидеров в виде риторической коммуникации – это один из ключевых факторов успеха на политическом поприще, так как зачастую успешность политического курса напрямую зависит от успешно выстроенной политической коммуникации. Политические стратегии разрабатываются с учетом превалирования коммуникативной составляющей и нацелены на создание среды, где процесс коммуникации обусловлен наличием правил и границ, которые создаются основным дискурсом (Равочкин, 2018, с. 244-250).

Политический дискурс видит своей основной целью инструментальное предназначение в процессе борьбы за власть и влияние между несколькими политическими силами, который включает в себя все стадии: овладение властью, её сохранение, осуществление, стабилизация/прераспределение власти, сложение полномочий/отстранение от власти (Шейгал, 2000). Отсюда вытекает позиция, что убеждающая сила – основная характеристика политического дискурса (Синеокая, 2012, с. 512).

А.Г. Корсунский полагает, что проблема признания является первостепенной для политического дискурса (Корсунский, 2016, с.108-111). Но одновременно с этим действия, совершаемые в рамках политического дискурса, можно определить как достижение иных коммуникативных целей политики, таких как информативная, привлечение внимания, уничижение оппонента и т.д., и как напрямую не связанные с борьбой за власть.

Политический дискурс имеет свои особенные характеристики. Одна из первых – это множественное жанровое воплощение политического дискурса. Жанр – целеполагающая характеристика речи. Жанры, используемые в политическом дискурсе можно классифицировать следующим образом: эпидейктические (ритуальные), ориентационные и агональные. Примерами данной классификации можно назвать предвыборные программы, дебаты,

интервью и «дежурные» речи политических деятелей, статьи на политическую тему, аналитика на политическую тему, программы партий и т.д. Внутри данной классификации так же можно выделить и специфические типы политического дискурса: дипломатический и партийный (Алешина, 2016, с.155-158). Широкий спектр жанров политического дискурса жестко ограничен формами политических взаимодействий (например, процесс принятия политических решений, действия оппозиционных партий и т.д.), а многообразии типов политического дискурса можно подразделить на локальные и национальные по масштабы охвата и вовлеченности аудитории. Таким образом, локальные виды политического дискурса проявляются в ситуациях, например, со сменой лидера в малой политической партии, а национальный вид политического дискурса проявляет себя в ситуации, например, выбора президента или парламента, референдумов и т.д. (Пушкарева, 2013, с.90-100).

Следующая особенность политического дискурса проявляется в феномене формирования отдельными языковыми коллективами собственных культурных ценностей. То есть в эту особенность политического дискурса входят, например, способы установления и пропаганды социального порядка, определение важности разных элементов «языковой картины мира» (Lucy, 2015, pp.903-906). Субъект исследования неизбежно приходит к необходимости ознакомления с национально-культурной спецификой политического дискурса при попытке проникнуть глубже в суть языковой картины мира конкретного общества (Архипкин, 2013, с.15-18). Потому что именно в политическом языке отражается менталитет этого общества и иногда идеология, потому что политический дискурс – это продукт «жизнедеятельности» множества культур на разных этапах развития общества и культурного диалога. Помимо это политический дискурс – это одно из основных средств межкультурной политики, которая формировалась этим дискурсом, функционировало и адаптировалось под временные изменения с его помощью (Тищенко, 2016, с.99-101). Исследования политического дискурса позволяют проникнуть в личность автора, его ментальный мир и структурные элементы этого мира. Национально-культурная специфика общества тесно связана с языковой картиной мира,

языковым сознанием говорящего, которые основываются на выработанных обществом в течение долгого времени идеях и конструктах. (Там же). Такие категории как власть, язык, политика и время имеют лингвокультурологическое измерение, потому что допускают определение в знаках культуры того или иного общества и в связи их с культурной спецификой того или иного общества (Равочкин, 2018, с.244-250).

Ещё одна особенность политического дискурса – это его двойственность отношений, которая диктуется противоречивостью самой политики, осуществления борьбы за власть и внутреннего и внешнего деления по оси «свой-чужой». В условиях современной обстановки, глобализации и усложнения мира, политический дискурс вовлечен в мировую политику и лингвокультурное пространство практически в равной степени. Как следствие это проявляется в том, что политический дискурс сохраняет собственный этнокультурный код и в тоже время допускает присутствие дискурсивных практик индивидуально личностных маркеров. Д.В. Архипкина утверждает, что политический дискурс соотносится и по смыслу с реальностью и субъектно с определенной группой или группами людей (Архипкин, 2013, с.15-18). В этом свете необходимо уточнить, что в политическом дискурсе отражение различных субъектов не может быть одинаковым. В политическом дискурсе, в его множестве коммуникативных пространств при рассмотрении с точки зрения институционального подхода можно говорить о наличии множества статусно-ролевых отношений. Функции, которые укрепляют социальные связи и отношения, связывают два понятия «роль» и «статус», поэтому можно говорить о том, что разным социальным группам созвучен и понятен разный политический язык, а понимание каждого из такого языка можно рассматривать как фактор образования страт общества и фактор идентификации носителя данного политического языка с конкретной страной (Суллаева, 2013, С.160-165). Например, общение политика с электоратом, автор и адресат соответственно, всегда проводится в соответствии с четко заданными заранее координатами, которые зависят от групповой принадлежности адресатов. Таким образом, становясь частью сложных и многообразных социальных процессов, политический язык имеет

шанс предвосхитить ситуацию в будущем и определить постпозицию носителя языка в социальной структуре.

Неотъемлемой частью политического дискурса являются автор и адресат, но в политическом дискурсе выделяют стандартно три субъекта действия: автор, адресат и наблюдатель (именуемый часто народом). Присутствие такого третьего субъекта оказывает прямое влияние на выбор и реализацию первыми двумя субъектами коммуникативных интенций. Таким образом, многосубъектность вместе с коммуникативными ролями участников политического дискурса определяют осуществление выбора участниками политической коммуникации персуазивных стратегий речевого поведения манипулятивным контекстом по отношению к аудитории, которой не всегда удается или не всегда необходимо скрывать (Цуцива, 2012, С.174-179, Чекменев, 2015, с.23-27). В связи с тем, что неотъемлемой частью политического дискурса является говорящий и слушатель, то сопряженность с «говорящим» превалирует над сопряженностью с темой и стилем (вторичные факторы). Задача по наиболее четкому определению говорящего влечет за собой необходимость определить следующее: адресата, содержание, контекст, результат. Дискурс политики представлен лицами, а политики – языковой личностью (которая включает разные поведенческие моменты). Лицо политика одновременно сливается с текстом и является этим текстом (Кузьмина, 2011, с.54-56).

Современный политический дискурс исключает характерное для дискурса авторитарного режима наделение власти положительными качествами, сближает с народом, проявляет значительную вариативность политических идей в демократическом обществе (Чудинов, Будаев, 2005, С.41-50).

Политический дискурс осуществляется в конкретной ситуации и имеет ярко выраженные прагмалингвистические особенности. В прагматизме главным принципом коммуникативного действия является достижение конкретных полезных практических последствий. Дискурсная практика политики осуществляется в рамках определенного контекста и хронотопе в корреляции с конкретными смысложизненными ориентациями и целями его участников.

Политическому дискурсу характерны также релевантность

разнообразию при подборе и употреблении языковых средств, одновременные доступность и сложность при понимании употребляемых специальных терминов, использование многих грамматически форм и комбинаций лексики, отсутствие однообразности текстов при их построении, особый словарь политики, смысловые связи между отдельными политическими концептами, базовыми абстракциями и метафорами, типовыми контекстами словоупотребления и построением суждений (Кузьмин, 2011, С.54-56). Опора дискурса политики – актуальные временные реалии. Речь политических акторов – это важнейшее средство их коммуникативной компетенции, представляет собой уникальный способ идентифицировать того или иного политика.

Подводя итоги можно сказать, что язык политического дискурса преследуя главную цель политики – борьбу за власть – использует богатые речевые конструкции, языковые, когнитивные и коммуникативные инструменты. Не следует забывать, что политический язык является прерогативой не только чиновников, он открыт для каждого языкового сообщества. Манипуляции в политическом дискурсе является вербальные и невербальные сообщения, неосознаваемые автором, которые создают мнения и формируют стереотипы поведения через языковой образ. Примером такого образа можно назвать оценку по принципу «положительный-отрицательный». Манипуляция включает в себя не только властный элемент, но также предполагает элемент злоупотребления дискурсивной властью – доминированием. Манипуляции же в политическом дискурсе часто осуществляются за счет «искажения значения слов за счет идеологичности, оценочности, модальности, подвижности семантики и прагматики слова, вариативности денонативных и коннонативных значений одних и тех же языковых знаков под влиянием социальных, культурных и других факторов» (Желтухина, 2000). Таким образом язык в дискурсе политики – это средство воздействия, все инструменты которого используются для обнаружения приоритета ценностей и превалированием эмоциональной составляющей над рациональной (Ivanov & Pogoretskaya, 2021).

Речевой портрет как реализация языковой личности

Описание образа политика невозможно без обращения к понятию языковой личности. В последнее время изучением

языковой личности, индивидуальной и коллективной, занимаются много отечественных ученых, в сферу интереса которых входят лингвокультурология, социолингвистика, психолингвистика, и относительно новая область лингвоперсонология.

Речевой портрет – совокупность речевых характеристик языковой личности в определённый временной период, делающих ее узнаваемой. Индивидуальные черты коммуникации довольно редко становятся предметом лингвистического исследования, однако очевидно, что реальность общения зачастую зависит не от клишированных универсальных черт различных жанров общения, но и от личностного компонента.

В основе речевого своеобразия могут лежать самые разнообразные факторы, как то национально-культурная идентичность, пол и возраст, психологический тип, социальное положение. Понятие речевого портрета определяется через понятие языковой личности. Ряд ученых подчеркивают, что речевой потрет – практическое воплощение языковой личности (ряда потенциальных характеристик).

Личность – это категория общественно-историческая и изучается многими науками. Языковая личность – это более полное представление личности, так как она не является частично-аспективным коррелятором личности в целом, как например правовая и этическая личность. Языковая личность – это целый комплекс противоречий между стабильностью и изменчивостью, устойчивостью множества мотивационных предпосылок и способностью подвергаться внешним воздействиями и взаимовлияниям.

Актуализация языковой личности обусловлена несколькими факторами:

1. необходимость изучения формирования языковой личности в проекции изучения языка на всех уровнях,
2. изучение психологических, социологических и культурологических факторов, которые способствуют формированию этой личности,
3. выявление лингвистической основы речевой деятельности,
4. признание коммуникативной природы языковых единиц и категорий, которые становятся основными единицами обучения.

Языковую личность можно назвать феноменом национального

характера, который необходимо рассматривать как в системе языка, так и в историческом, культурном аспекте и в целом в разрезе всей жизни. Человек благодаря языку общается, познает мир и осуществляет информационный обмен.

Формировать языковую личность можно только посредством объективных факторов, например каждая персоналия имеет комплекс разноплановых и разносторонних возможностей, которые реализуются в универсальное развитие при оптимальных условиях. Для этого принято определять способности человека, уровень его потребностей и мировоззренческих ориентаций, что в свою очередь зависит от жизненного опыта, уровня культуры, образования и иных способностей конкретного человека.

В.В. Виноградов писал о языковой личности как о субъекте, который способен совершать речевые поступки. Он подчеркивал, что языковое творчество личности – это следствие тех коллективных субъектов формы, которых оно носит в себе, творчески их усваивая (Виноградов, 2006).

Л.Вайстберг, один из последователей В. фон Гумбольта, описывал языковую личность в обязательном социолингвистическом контексте родного языка, которому эта личность принадлежит, но определения понятия языковой личности не приводил.

Ю.Н. Караулов определяет «языковую личность» как совокупность характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие человеком текстов, которые различаются по: степени структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью (Караулов, 1987). Ю.Н. Караулов также описал структуру языковой личности, где выделял три уровня: вербально-смантический (лексикон – запас слов человека, который он использует в разных бытовых коммуникаций), тезарус (лингвокогнитивный, который отражает идиолект личности, отличительные характеристики личности) и прагматикон (или мотивационный, а именно цели и задачи коммуникации, речевые интенции спикера). Слова, концепты и потребности в коммуникации – это основание для выделения данных уровней. Они важны для целей исследования, так как подразумевают, что особенности мировоззрения личности проявляются в текстах,

автором которого он является, ученые настаивают на важности при описании языковой личности брать в расчет и индивидуальные характеристики, и нормы речевой деятельности, принятые в социальной группе говорящего (Малюга & Мадинян, 2021).

Г.И.Богин полагал, что языковая личность – это центральное понятие лингводидактики, личность может и «знать о языке», и «мочь с языком что-то делать». Г.И. Богин утверждал, что человек с рождения обладает способностью быть языковой личностью, но каждый индивид должен ею еще стать (Богин, 1984).

Согласно подходу С.Г.Воркачева, языковая личность и речевой портрет имеют общие составляющие: речевая личность (человек, способный к речевой деятельности как носитель языка), коммуникативная личность (особенности вербального поведения человека, использующего язык как средство общения) и этносемантическая личность (базово-национально-культурный прототип носителя определенного языка, который составляется на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре) (Воркачев, 2001, с.64-72).

Таким образом, трудно дать универсальное определение языковой личности, беря в расчет многослойность и противоречивость языковой действительности. Языковую личность возможно трактовать, как следует из приведенных выше мнений исследователей, только в широких рамках, которые охватывают лингвистическую, философскую, психологическую, культурно-антропологическую стороны личности, в разрезе коммуникации. Большинство исследователей, используют в своих работах подход к определению языковой личности Ю.Н. Караулова.

Речевой портрет формируется языковой личностью. Речевой портрет – это функциональная реализация модели языковой личности. Таким образом, создание и многосторонний анализ речевого портрета нацелен на реконструкцию языковой личности по трем уровням (лексикон, тезарус и прагматикон) с учетом индивидуальных особенностей.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что речевой портрет языковой личности – это организованная с точки зрения

иерархии структура, включающая нижеследующие позиции:

1. социо-психо-лингвистический портрет (социальные, психологические, биологические особенности личности, её интересы и увлечения);
2. особенности речевого портрета в рамках лексикона личности (описание и анализ системно-языковых уровней);
3. особенности речевой культуры личности (коммуникативное поведение, адресаты, своеобразие лексики личности).

Полный речевой портрет личности можно описать только приведя полный анализ речи личности, речевого поведения на определенных промежутках времени. Однако это сложно осуществимо, поэтому изучение проблемы языковой личности и создания речевых портретов направлены на конкретные моменты речевого поведения личности, которые отвечают за типовые её черты, которые могут служить для создания типологии языковых личностей.

Методика функционального анализа политического дискурса

В рассмотрении процесса семиозиса политического дискурса мы полагаемся на постулаты функциональной лингвосинергетики, согласно которым смысловая система высказывания является системой смыслов, организующихся в соответствии с законами открытых саморазвивающихся систем (Haken, 1996, Wildgen, 1990) в лингвистике исследуемый (Пономаренко, Храмченко 2018, Малахова, Радюк).

Метод лингвосинергетического анализа основан на утверждении, что функционально-прагматическая организация дискурса системна (Ponomarenko, 2018). Коммуникативная цель высказывания служит функциональным аттрактором – сферой притяжения прагматического потенциала разнонаправленных речевых средств (Malakhova, 2017, Khramchenko, 2019). Прагма-семантические связи между высказываниями, расположенных в определённой последовательности, служат параметрами порядка и управляют функционированием системы. Под влиянием динамических колебаний внутри и вне системы происходят флуктуации относительные функциональные колебания. В точке бифуркации система дискурса подходит к выбору пути

дальнейшего развития (либо достижение коммуникативной цели, либо коммуникативная неудача) (Ponomarenko, 2016).

Исследование речевого портрета политика выполнялось в русле динамико-системного подхода и функциональной прагматики. Согласно схеме функционально-синергетического анализа (Пономаренко 2004, 2016, 2018) на первом этапе определяется базовое высказывание коммуникативного блока (тема), аттрактор (коммуникативная цель) системы смыслов, параметры порядка (функциональные связи между высказываниями). Далее анализируются общие тенденции структурно-семантической организации дискурса и частные процессы, и явления функционального плана (описание этапов эволюции дискурса, роли языковых средств в создании функциональных свойств на пути к аттрактору, хаотических элементов дискурса и их места в развитии системы смыслов, стабилизирующих элементов и факторов, подталкивающих систему к перерождению, выявление спонтанных свойств дискурса). В итоге проводится обобщение данных в синергетической модели данного дискурса.

Ключевым понятием для данной методики является *система дискурса*, понимаемая как система смыслов, формируемая совокупностью средств их речевого выражения, направленная к достижению коммуникативной цели (зоне притяжения, «функциональному аттрактору») и обладающая саморегулятивными свойствами (Пономаренко, 2004).

Синергизм дискурса понимается как эффект сложения смыслов, дающий «не сумму смыслов, а новые смыслы» (по Л.В. Щербе). Иначе такой эффект, когда общий смысл не равен механическому сложению компонентов, называется функциональной нелинейностью дискурса.

В публичной коммуникации данное свойство особенно ярко проявляется при сопровождении сообщений изображениями и гиперссылками. Так, в сообщении the Washington Post представлен заголовок аналитической статьи о новом приложении, использующем игрушечный персонаж.

Is that a gruesome "Sesame street" segment? No, it's an ad for the dating app Hinge. (The Washington Post, 2019)

После заголовка следует изображение сгорающей игрушки и гиперссылка на статью. Функциональная нелинейность системы

данного дискурса позволяет автору передать свой замысел: оформление приложения является оригинальным и вызывает противоречивые ассоциации у определённого круга лиц.

Функциональным аттрактором (коммуникативной целью дискурса) является сообщение о новом приложении. К нему направлен прагматический потенциал всех компонентов данного сообщения:

1. вербальных (имя собственное – реалия *"Sesame street"*; сочетание вопроса и ответа; дейктический элемент that, ссылающийся на изображение);

2. графических (изображение игрушки, которая напоминает персонажа известного одной возрастной категории мультфильма).

Без изображения смысл приведённых высказываний был бы не понятен аудитории несмотря на то, что отдельные предложения сообщают определённую информацию. Воспринимая дискурс синергийно, в совокупности, читающий соотносит содержание вербных компонентов с изображением и своими фоновыми знаниями (отсутствие знаний о мультфильме не позволит читающему извлечь смысл из написанного или понять его до конца). Благодаря такому многоканальному, объемному восприятию, свойственному человеческому мышлению, автор более эффективно доносит смысл до коммуниканта. Система смыслов достигает своей цели - функционального аттрактора.

Проанализировав следующий пример, мы увидим, что в данном высказывании заложено неограниченное число смысловых комбинаций. В зависимости от их организации система дискурса может восстанавливать целостность своего функционального пространства и достигать поставленной коммуникативной цели.

Самоорганизация дискурса проявляется в процессе эволюции смыслов системы. Так, в вышеприведенном примере при линейном восприятии информации возникнет конфликт и непонимание. Однако при подключении воздействий извне (взаимодействии с внешней средой) общий смысл дискурса воспримется не просто как сложение следующих друг за другом пропозиций, а как накапливаемое когнитивно-функциональное пространство, и в этом пространстве каждый элемент играет вносит свой вклад в усиление состояния смысловой системы.

Термин *хаотизация,* используется для обозначения

функциональных колебаний, прагма-семантических приращений, не соответствующих изначальному направлению эволюции системы. Таким элементом может быть название мультфильма, незнакомое некоторым читателям вследствие перехода нарицательного существительного sesame в категорию собственного.

Чтобы не превышать оптимальную долю хаотизирующих элементов и не допустить полного разупорядочивания и ухода системы дискурса от нужного направления смысловой эволюции (и, как следствие, срыву коммуникативного замысла), в противовес хаотизирующим тенденциям в синергийной системе дискурса присутствуют стабилизирующие факторы – *параметры порядка*. К ним относятся функциональные отношения между высказываниями (по Т. ван Дейку) (Dijk, 1989), т.е. семантические связи в их функционировании.

Данная методология позволила нам рассмотреть более пристально особенности создания имиджа политика в публичной устной и письменной коммуникации.

Речевой портрет Дональда Трампа

Как отмечают специалисты в области языкознания, политологии и пиара, речевой образ президента США менялся с течением времени. Для анализа методом сплошной выборки были отобраны высказывания, связанные со взглядами политика на тему изменения климата и высказывания его британского коллеги за период 2011-2021 гг.

Пытаясь проследить процесс развития образа Д. Трампа как сторонника защиты климата, Х. Ченг (2021) приводит его высказывания в различные временные периоды.

Так, в интервью Нью Йорк Таймз Д.Трамп отзывается довольно уклончиво о связи климатических изменений и экономики и намекает, что ограничение выбросов затормозит работу корпораций.

«I think there is some connectivity. There is some, something. It depends on how much. It also depends on how much it's going to cost our companies.» (NYT interview, November 2016).

Тактика уклонения от ответа характеризуется обрывочными фразами и повторами. Говорящий осторожно подбирает выражения, повторяя начало предложения, что производит

впечатление нечеткости, спутанности (неопределенное местоимение some, it depends on вместо прямого осуждения). Общей коммуникативной стратегией является стратегия смягчения. С другой стороны, подобный способ речевого выражения позволяет избежать категоричности и обойти острые углы. В долгосрочной перспективе в политической коммуникации данное свойство позволяет лавировать между различными точками зрения в условиях меняющейся глобальной конъюнктуры. Речевой портрет Трампа 2016 году можно характеризовать как осторожного противника ограничений в экономике, связанных с контролем за климатом.

Промежуточный этап климатической риторики характеризуется выходом США из Парижского соглашения по климату. В заявлении 2017 года Д.Трамп описывает свою роль как защитника интересов простых американцев – рабочих, налогоплательщиков.

Образ Д. Трампа как политика в 2017 году опирается на таких ценностях, как верность, обязательства, благополучие граждан (solemn duty, commitments). Президент применяет тактику создания общих ценностей (wellbeing, fair, тактику лести (great people, who I love).

*On these issues and so many more, we're following through on our **commitments**. And I don't want anything to get in our way. I am fighting every day for the **great people** of this country. Therefore, in order to fulfill my **solemn duty** to protect America and its citizens, the United States will withdraw from the Paris Climate Accord — (applause) — thank you, thank you — but begin negotiations to reenter either the Paris Accord or a really entirely new transaction on terms that are fair to the United States, its businesses, its workers, its people, its taxpayers... As President, I can put no other consideration before the **wellbeing** of American citizens. The Paris Climate Accord is simply the latest example of Washington entering into an agreement that disadvantages the United States to the exclusive benefit of other countries, leaving American workers — **who I love** — and taxpayers to absorb the cost in terms of lost jobs, lower wages, shuttered factories, and vastly diminished economic production. (Statement by President Trump on the Paris Climate Accord, 2017).*

Уже в 2018 году речевой портрет меняется в связи с внешними факторами – растет внимание к данному вопросу в

международной прессе и в глобальной экономике в целом. Неосторожно назвав изменение климата фальшивкой, Д. Трамп вынужден впоследствии неоднократно «оправдываться» за свои слова.

«I don't think there's a hoax. I do think there's probably a difference. But I don't know that it's man-made... I don't wanna give trillions and trillions of dollars. » (CBS interview, October 2018)

В интервью на канале CBS Д. Трамп прибегает к коммуникативной тактике частичного несогласия. Первая часть высказывания содержит опровержение предыдущего заявления, а вторая поясняет его мнение.

«Climate change is very important to me. I've done many environmental impact statements in my life, and I believe very strongly in very, very crystal clear clean water and clean air». (December 2019)

В январе 2020 Д. Трамп заявляет, что данная тема серьезна и не должна быть предметом шуток.

«Nothing's a hoax about that. It's a very serious subject... I want the cleanest air, I want the cleanest water. The environment is very important to me. I also want jobs. I don't want to close up our industry because somebody said you have to go with wind». (Cheung, 2021)

Ряд оправдательных высказываний на тему фальшивки (hoax) составляют своего рода подсистему всего дискурса Трампа о климате. Данная подсистема характеризуется наличием коммуникативной цели – опровергнуть тезис о том, что «угроза климатических изменений – обман». При этом ей свойственен определённый тон, задаваемый отдельными речевыми ходами:

- акцент на отрицательных конструкциях (*I don't think, Nothing's a hoax, I don't want*). Отрицания создают образ непоследовательного в своих суждениях политика;
- повторы. Причем повтор очевидных свойств природных объектов создает ироничный тон, принимаемым в ответ на критику журналистов (*very, very crystal clear clean water and clean air, the cleanest air, the cleanest water);*
- противоречивость заявлений. Позволяя себе шутить о надуманности проблемы климата, дальнейшее утверждение о том, что это серьезная проблема *(It's a very serious subject...)* вызывает у аудитории недоверие и создает почву для критики;

– преобладание коротких, синтаксически простых высказываний, простых предложений.

Таким образом, прагма-семантическая система смыслов (тезисов, о которых заявляет Д. Трамп) претерпевает динамические изменения. Под влиянием общественного мнения вектор эволюции смыслов смещается в сторону поддержки мер защиты окружающей среды. К финальному этапу развития системы, однако, оратор все же позволяет себе сделать оговорку (I also want jobs), хотя это не виляет на конечный итог. Последние высказывания на данную тему, как видим, повторяют исходный тезис:

«I'm an environmentalist. I am. I want the cleanest water on the planet. I want the cleanest air anywhere». (Cheung, 2021).

Президент применяет кольцевую композицию, располагая самую важную информацию в начале и конце высказывания. Повторы личных местоимений, параллельные синтаксические конструкции, употребление превосходной степени прилагательных – риторические приемы максимально просты и отчетливо запоминаются аудитории.

Речевой портрет Бориса Джонсона

Климатическая риторика занимает в дискурсе Б. Джонсона значительное место. Ее ключевые тезисы сформулированы в крупнейшем международном событии по данной проблематике – Саммите COP26 в Глазго.

"Humanity has long since run down the clock on climate change," Johnson said at Monday's World Leaders Summit Opening Ceremony. "It's one minute to midnight on that doomsday clock and we need to act now."

(https://www.cnbc.com/2021/11/01/cop26-boris-johnson-says-one-minute-to-midnight-amid-climate-crisis.html)

В высказывании Б.Джонсона на саммите COP26 содержится образное выражение one minute to midnight. Прибегая к тактике метафоризации, политик привлекает внимание аудитории к необходимости срочных мер в отношении изменения климата.

Метафора продолжает сравнение неизбежной катастрофы с приближением судного дня – doomsday. Фразеологический глагол run down the clock в составе идиомы также сигнализирует об отставании. Таким образом, троекратное повторение одного и того

же смысла позволяет оратору целостно, но различными языковыми средствами донести основную пропозицию выступления: необходимо поторопиться. В целом речевую стратегию можно классифицировать как стратегию усиления воздействия.

Проследим, каковы были взгляды Б. Джонсона на роль Великобритании в решении проблем окружающей среды ранее.

"London was the first city to experience mass urbanization in the modern era," Johnson began in his treatise, titled Delivering London's Energy Future: The Mayor's Climate Change Mitigation and Energy Strategy.

"It was the imagination of our forebears—among them Bazalgette, Brunel, Prince Albert—who pioneered solutions to tackle some of the city's more mundane but critical challenges," Johnson continued. "I want now to unleash the same entrepreneurial drive and creative genius to achieve what is now the 21st century's environmental imperative, to cut carbon output and secure the city's energy supply, whilst making services more efficient and better value for money."

(https://www.science.org/content/article/boris-johnson-s-stance-climate-change-has-flip-flopped, 2019)

В 2011, будучи мэром Лондона, Джонсон разработал стратегию энергоэффективности Лондона. В документе Delivering London's Energy Future он доказывает необходимость сокращения выброса углеводородов, прибегая к следующим тезисам:

1.Лондон первым столкнулся с массовой урбанизацией.

2.Британские предприниматели и филантропы способствовали строительству железных дорог, канализации, борьбе с бедностью.

3.Подбно им, Джонсон намерен бороться и очередным вызовом современности.

Риторическая эффективность данного рассуждения достигается благодаря проведению параллели между ценностями предков и нынешних лидеров Великобритании (прагматически насыщенные существительные forebears, value for money, определения entrepreneurial drive, creative genius). Тактика сравнения выполняет функцию отождествления достижений предков с потенциальными успехами Б.Джонсона. Она является частью общей речевой стратегии создания имиджа, о чем свидетельствуют личные и указательные местоимения (I want, the same). При этом логика

построения публичной речи строится не только на вышеуказанных пропозициях, но и значительной степени, на логико-семантических (общих параметрах порядка) и прагма-семантических связях между ними (частных параметрах порядка):

1-2 исключение, переключение;

2-3 соподчинение, последовательность.

"If we keep on the current track then the temperatures will go up by 2.7 degrees or more by the end of the century," Mr Johnson said.

"And never mind what that will do to the ice floes... we will see desertification, drought, crop failure, and mass movements of humanity on a scale not seen before, not because of some unforeseen natural event or disaster but because of us, because of what we are doing now.

"And our grandchildren will know that we are the culprits and... that we were warned and they will know that it was this generation that came centre stage to speak and act on behalf of posterity and that we missed our cue and they will ask themselves what kind of people we were to be so selfish and so short sighted."

*(*https://www.bbc.com/news/uk-58657887)

Условные предложения применяются с целью описания реалистичного развития событий. Повторение личного местоимения we, us концентрирует внимание аудитории на личной ответственности людей за происходящее, а также формирует образ политика и электората как единого целого, обладающего общими проблемами, ценностями и целями. Таким образом, тактика идентификации выполняет функцию призыва к действию. Коммуникативная цель высказывания – привлечь внимание к проблемам глобального потепления. Она достигается за счет коммуникативной стратегии создания имиджа политика как «своего», одного из британцев. Еще одна коммуникативная тактика – тактика навязывания вины, реализующаяся лексемами с отрицательными коннотациями (short sighted, selfish, culprit, miss our cue, disaster). Общая прагматическая окраска высказывания вызывает чувство тревоги и решимости к немедленным действиям. Имея общую идентичность, утверждает оратор, нация сможет спасти потомков.

Выводы

Обобщая анализ дискурса политиков, заметим, что речевой портрет Д. Трампа составляют коммуникативные стратегии

усиления воздействия, апелляции к авторитету, убеждения, опровержения, поддержки и др. Речи американского президента свойственна в целом эмоциональность, образность и экспрессивность, при этом такие качества, как сбивчивость, нелогичность, потеря нити рассуждений зачастую квалифицируют его как плохого оратора. Д. Трампу свойственно громко заявлять о своих взглядах, создавать атмосферу общности с аудиторией, для чего применяются разговорные выражения, междометия и повторы, повелительное наклонение, простые предложения. Что касается дискурса о климате, здесь наиболее частотными оказались коммуникативные стратегии аргументации и опровержения.

Б. Джонсон в своей публичной речи на тему климатических изменений также стремится достичь идентификации с британской аудиторией, но делает это более стандартно. Дискурсу о оклимате свойственны коммуникативные стратегии призыва, апелляции к жизненным ценностям. Можно отметить в его высказываниях клишированность, вежливость, соблюдение речевого этикета. Частотно использование вводных выражений для демонстрации своего мнения. Однако Б. Джонсону нельзя отказать и в остроумии, о чем свидетельствуют различные каламбуры, ирония и сарказм. Речь британского политика в своем роде экспрессивна – для достижения эффекта применяются многоуровневые усиливающие лексические, синтаксические, стилистические средства – работает принцип синергии – сложения прагматических эффектов речевых средств.

Языковой материал продемонстрировал, что системные функциональные связи обеспечивают логику развертывания рассуждений политиков в масштабе одного высказывания и данной тематики в целом. В некоторых случая дискурс эволюционирует поступательно, как в случае британского премьер-министра, в других же может трансформироваться и развиваться в направлении, противоположном изначально заданному, как в случае риторики американского президента. В обоих случаях функциональная перспектива дискурса развивается эволюционно, от исходного состояния к новому уровню упорядоченности под руководством функционального аттрактора – цели коммуникации.

Литература

1. Алешина Е.Ю. Жанровая градация политического дискурса // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Т.5. – №3. – С.293-301.
2. Альшева Ю.С. Речевой портрет современного политического лидера. Автореф. … канд. филол. н. Волгоград. – 2012.
3. Архипкин Д.В. Политический дискурс как объект лингвистического исследования // Актуальные вопросы лингвистического исследования // Актуальные вопросы филологической науки XXI века сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых: в 2 ч. – М., 2013. – С.15-18.
4. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. – Ленинград: Атланта, 1984.
5. Борисова Е.Г. Управление вниманием и пониманием: предварительные действия говорящего // Материалы Второй Международной конференции по когнитивной науке. 9-13 июня 2006 г. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006.
6. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.
7. Верещагин Е.М., Ратмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности». Ещё одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подод // Вопросы языкознания. – 1992. – №6. – С.82-93.
8. Виноградов В.В. Социально-языковые системы и индивидуально-языковое творчество // Семиотика и Авангард. Анртопология. – Москва: Академический проект: Культура, 2006.
9. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт становление антропонцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С.64-72.
10. Гафаров А.С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики. Автореф. … канд. филол. н. Тверь. – 2006.
11. Евтушина Т.А., Ковальская Н.А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования//Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №6 (335). – С.42-46.
12. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе: дисс. … канд. филол. н. – Волгоград, 2000.

13. Загоровская О.В. Речевое портретирование социальной группы как задача современной лексикографии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – №2. – С. 174-177.
14. Иссерс О.С. Коммуникативные тактики и стратегии русской речи. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.
15. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва. Наука, 1987.
16. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. – М.:ПРИОР, 1998.
17. Корсунский А.Г. Политический дискурс в работах современных французских философов // Дискурс-Пи. – 2016. – Т.13. – №1. – С.108-111.
18. Кузьмин С.В. Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: социология, политология. – 2011. – Т.11. – №2. – С.54-56.
19. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003.
20. Малюга Е.Н. К вопросу об обучении иностранным языкам с использованием новых информационных технологий // Вопросы прикладной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 91-95.
21. Малюга Е.Н., Мадинян Е.И. Метафорическая репрезентация событий в американском новостном медиадискурсе // Научный журнал Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2021. – № 2 (50) . – С. 17-28.
22. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2010.
23. Переверзев Е. В., Кожемякин Е. А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №2. – С. 74-79.
24. Пономаренко Е.В. Функциональная системность дискурса (на материале английского языка). – М.: МГУ, 2004.
25. Попова М.В. Взаимозависимость речевого и социального портретов говорящего // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – №15 (754). – С.188-198.
26. Пушкарева Г.В. Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс // Общественные науки и современность. – 2013. – №5. – С.90-100.

27. Равочкин Н.Н. Особенности политического дискурса // Языкознание. Вестник КГУ. – 2018. – №3. – С. 244-250.
28. Радюк А.В., Литвинов А.В. Самоорганизация функционального пространства публичной речи в контексте американской идентичности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12-2 (90). – С. 367-371.
29. Романов А.А. Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин: Калининский государственный университет, 1984. – С. 86-92.
30. Синеокая Н.А. Хараркгеристика политического дискурса // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – №6. – С.512.
31. Суллаева Н.А. Характеристика политического дискурса // Современный проблемы науки и образования. – 2013. – №1. – С.160-165.
32. Тищенко Н.В. К вопросу о жанрах и специфике политического дискурса // Экономический вектор. – 2016. –№2(5). – С.155-158.
33. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002.
34. Цуцива М.Г. Политический дискурс как интегративный феномен // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т.1. – №2. – С.174-179.
35. Чекменев Д.С. Политические субъекты общественно-политического дискурса // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2015. – №9. – С.23-27.
36. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Концептуальная метаформа в политичсеком дискурсе: новые зарубежные исследования (2000-2004) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – №2. – С.41-50.
37. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. … д. филол. н. – Волгоград, 2000.
38. Cheung H. What does Trump actually believe on climate change? BBC News [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: https://www.bbc.com/news/world-us-canada-51213003 (дата обращения 22.10.2021)

39. Haken H. Principles of brain functioning. A synergetic approach to brain activity, behavior and cognition. – Springer, Berlin, Heidelberg, 1996. doi 10.1007/978-3-642-79570-1
40. Ivanov N. V., Pogoretskaya O. A. The phenomenon of fascination in political discourse (by Italian examples) // Training, Language and Culture. . – 2021. . – №5(2). . – Pp. 9-21. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-9-21
41. Khramchenko D.S. Planning the functional field of business English discourse: linguosynergetic approach // Issues of Applied Linguistics. – 2015. – №18. – С.151-163.
42. Kozlovskaya, N. V., Rastyagaev, A. V., Slozhenikina, J. V. The creative potential of contemporary Russian political discourse: From new words to new paradigms // Training, Language and Culture, 2020. – №4(4) . – Pp. 78-90. Doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-78-90
43. Lucy J.A. Sapir-Whorf Hyposthesis // International Encyclopaedia of the Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Pp.903-906.
44. Malakhova V.L. Functional properties of possessive nominations and their impact on the pragmatic and semantic systemity of the English discourse // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2017. Science and Society: Conference Proceedings. – Book 3. – Volume II. – Albena, Bulgaria, 2017. – Pp. 745-752.
45. Ponomarenko E.V. Functional properties of English discourse in terms of linguosynergetics // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016 Proceedings. – Book 1, Vol. 3. – Bulgaria, Albena, 2016. – Pp. 355-362. DOI: 10.5593/sgemsocial2016/B13/S03.042
46. Ponomarenko E.V. The notion of functional synergism in linguistics // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018 Proceedings. – Book 1, Vol. 5. – Pp. 501-508. – Austria,Vienna, 2018.
47. Statement by President Trump on the Paris Climate Accord [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-president-trump-paris-climate-accord/ (дата обращения 22.10.2021)
48. Wildgen W. Basic principles of self-organization in language // Synergetics of Cognition. – L., P., Tokyo, Hong Kong: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 1990. – Pp. 415-426.

References

Aleshina, E.Yu. (2016). Genre gradation of political discourse. *Russian humanitarian journal,* 5(3), 293-301.

Alsheva, Yu.S. (2012). *Speech portrait of a modern political leader. Candidate thesis abstract.* Volgograd.

Arkhipkin, D.V. (2013). Political discourse as an object of linguistic research. In *Topical issues of linguistic research. Topical issues of philological science of the XXI century collection of articles based on the materials of the III All-Russian scientific conference of young scientists,* (pp. 15-18). Moscow.

Bogin, G.I. (1984). *Model of a linguistic personality in its relation to the variety of texts*. Leningrad: Atlanta.

Borisova, E.G. (2006). Management of attention and understanding: preliminary actions of the speaker. In *Proceedings of the Second International Conference on Cognitive Science.* St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University.

Chekmenev, D.S. (2015). Political subjects of social and political discourse. *Fundamental and applied research in the modern world*, 9, 23-27.

Cheung, H. (2021). *What does Trump actually believe on climate change? BBC News.* Retrieved from: https://www.bbc.com/news/world-us-canada-51213003 (accessed October, 22 2021).

Chudinov, A.P., & Budaev, E.V. (2005). Conceptual metaform in political discourse: new foreign studies (2000-2004). *Issues of cognitive linguistics, 2*, 41-50.

Dijk, T. (1989). *Language. Cognition. Communication*. M.: Progress.

Evtushina, T.A., Kovalskaya, N.A. (2014). Economic discourse as an object of linguistic research. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 6 (335), 42-46.

Formanovskaya, N.I. (2002). *Verbal communication: a communicative-pragmatic approach*. M.: Russian language.

Gafarov, A.S. (2006). *Speech portrait: sociolinguistic characteristics. Candidate thesis abstract.* Tver.

Haken, H. (1996). *Principles of brain functioning. A synergetic approach to brain activity, behavior and cognition*. Springer, Berlin, Heidelberg. doi 10.1007/978-3-642-79570-1

https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-

president-trump-paris-climate-accord/ (accessed 8.10.2021)
Issers, O.S. (2008). *Communicative tactics and strategies of Russian speech*. M.: Publishing house LCI.
Ivanov, N. V., & Pogoretskaya, O. A. (2021). The phenomenon of fascination in political discourse (by Italian examples). *Training, Language and Culture, 5*(2), 9-21. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-9-21
Karaulov, Yu.N. (1987). *Russian language and language personality*. Moscow: Science.
Khramchenko, D.S. (2015). Planning the functional field of business English discourse: linguosynergetic approach. *Issues of Applied Linguistics, 18,* 151-163.
Klyuev, E.V. (1998). *Speech communication*. M.: PRIOR.
Korpunsky, A.G. (2016). Political discourse in the works of modern French philosophers. *Discourse-Pi*, 131, 108-111.
Kozlovskaya, N. V., Rastyagaev, A. V., & Slozhenikina, J. V. (2020). The creative potential of contemporary Russian political discourse: From new words to new paradigms. *Training, Language and Culture, 4*(4), 78-90. Doi: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-78-90
Kuzmin, S.V. (2011). Political discourse as an integral part of political communication. *Izvestia of Saratov State University. New episode. Series: Sociology, Political Science*, 11(2), 54-56.
Lucy, J.A. (2015). Sapir-Whorf Hyposthesis. *International Encyclopaedia of the Social and Behavioral Sciences*, (pp. 903-906).
Makarov, M.L. (2003). *Foundations of the theory of discourse*. M.: Giozis.
Malakhova, V.L. (2017). Functional properties of possessive nominations and their impact on the pragmatic and semantic systemity of the English discourse. In *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2017. Science and Society: Conference Proceedings* (pp. 745-752). Book 3. Volume II. Albena, Bulgaria.
Malyuga, E.N. (2009). On the issue of teaching foreign languages using new information technologies. *Issues of Applied linguistics, 1*, 91-95.
Malyuga, E.N., & Madinyan, E.I. 2021. Representation of events in the American news media discourse. *Scientific Journal Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches, 2* (50), 17-

28.
Maslova, A.Yu. (2010). *Introduction to Pragmalinguistics*. M.: Flint: Science.
Pereverzev, E.V., & Kozhemyakin, E.A. (2008). Political discourse: a multi-parameter model. *Voronezh State University Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication, (2)*, 74-79.
Ponomarenko, E.V. (2004). *Functional systemacy of discourse (based on English).* M.: MSU.
Ponomarenko, E.V. (2016). Functional properties of English discourse in terms of linguosynergetics. In *3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016 Proceedings,* Book 1, Vol. 3, (pp. 355-362). Bulgaria, Albena. DOI: 10.5593/sgemsocial2016/B13/S03.042
Ponomarenko, E.V. (2018). The notion of functional synergism in linguistics. In *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018 Proceedings,* Book 1, Vol. 5, (pp. 501-508). Austria,Vienna.
Popova M.V. (2016). Interdependence of speech and social portraits of the speaker. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 15 (754)*, 188-198.
Pushkareva, G.V. (2013). Homo politicus: political reality and political discourse. *Social sciences and modernity*, 5, 90-100.
Radyuk, A.V., & Litvinov, A.V. (2018). Self-organization of functional space of public speech in the context of American identity. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 12-2* (90), 367-371.
Ravochkin, N.N. (2018). Features of political discourse. *Linguistics. KSU Bulletin*, 3, 244-250.
Romanov, A.A. (1984). Pragmatic features of performative statements. *Pragmatics and semantics of syntactic units,* (pp. 86-92). Kalinin: Kalinin State University.
Sheigal, E.I. (2000). *Semiotics of Political Discourse*: Doctoral thesis. Volgograd.
Statement by President Trump on the Paris Climate Accord (2017). Retrieved from
Sullaeva, N.A. (2013). Characteristics of political discourse. *Modern issues of science and education,* 1, 160-165.

Tishchenko, N.V. (2016). On the issue of genres and specifics of political discourse. *Economic vector,* 2(5), 155-158.

Tsutsiva, M.G. (2012). Political discourse as an integrative phenomenon. *Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin, 1*(2), 174-179.

Vinogradov, V.V. (2006). Socio-linguistic systems and individual-linguistic creativity. In *Semiotics and Avant-garde*. Antopology. Moscow: Academic project: Culture.

Vorkachev, S.G. (2001). Linguoculturology, linguistic personality, the concept of the formation of an anthroponcentric paradigm in linguistics. *Philological sciences*, 1, 64-72.

Vreshchagin, E.M., Ratmair, R., & Reuter, T. (1992). Speech tactics "call for frankness". Another attempt to penetrate into the idiom of speech behavior and the Russian-German contrastive approach. *Issues of linguistics, 6*, 82-93.

Wildgen, W. (1990). Basic principles of self-organization in language. In *Synergetics of Cognition* (pp. 415-426). L., P., Tokyo, Hong Kong: Springer-Verlag Berlin Heidelberg.

Zagorovskaya, O. V. (2013). Speech portraiture of a social group as a task of modern lexicography. *Voronezh State University Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication, (2)*, 174-177.

Zheltukhina, M.R. (2000). *The Comic in Political Discourse*. Candidate thesis. Volgograd.